

УДК 101.1:008(=512.157)

Проблемы воссоздания аласной культуры саха в современных условиях

Попова Галина Семеновна

Кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская Федерация, Якутск, ул. Белинского, 58;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Никифорова Саргылана Валентиновна

Кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры культурологии,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская Федерация, Якутск, ул. Белинского, 58;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Дьячковская Екатерина Алексеевна

Аспирант,

старший преподаватель кафедры культурологии,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская Федерация, Якутск, ул. Белинского, 58;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Аннотация

С начала XXI века в Республике Саха (Якутия) наблюдается активизация процессов воссоздания аласной культуры: на родовых сенокосных угодьях поселяются семьи, занимающиеся традиционным скотоводством. Объективной причиной изменений стала либерализация в области земельного права, включая закон о безвозмездном пользовании земельным участком (дальневосточный гектар). На этом основании становится возможным создание Этнокультурного центра по реконструкции аласной культуры методом погружения в аутентичные формы. Приведено описание забытого обряда захоронения сэргэ – коновязи. Предлагается анализ опыта внедрения социокультурного проекта; который способствует самоидентификации современных саха. Ценность эксперимента в

том, что он дает практический эффект. Проектанты и исполнители – коллектив кафедры культурологии, работающий по созданию базы практик Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, школьники и местное население.

Для цитирования в научных исследованиях

Попова Г.С., Никифорова С.В., Дьячковская Е.А. Проблемы воссоздания аласной культуры саха в современных условиях // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 496-517.

Ключевые слова

Традиционная культура, локус пространства, алаас, модель, погружение, социокультурный проект, инновации, локальное гнездо функционирования, воссоздание, аутентичность.

Введение

Актуальность проблемы обусловлена нарастающими темпами экологического и этнокультурного кризисов современности. Специфика Севера проявилась в катастрофически быстром разрушении экосистемы. Как и у других народов, у саха в доцивилизационный период исторического развития существовала самобытная природосообразная, экософическая традиционная культура хозяйствования, развивавшаяся в лоне кормящего аласного ландшафта. Культура представляла собой слаженную экосистему, гармонично взаимодействующую с окружающей природной средой. Традиционная культура сегодня «не помещается в ложе исторической фактуры, а претендует на роли морального, эстетического, социального образца или судьбы социальных устройств за границами (прошлого), служит матрицей для многих институций <...> то и дело оживает в разных качествах в современном российском обществе ... Эти “явления” народной культуры в современной жизни требуют осмысления и критики» [Бобрин, 2011, 3]. В традиционной культуре современность ищет выверенные веками эффективные механизмы и системные связи. И здесь *каждое лыко в строку*: опыт скансенов и реконструкторов, музейная деятельность и практики погружения в культуру, опыт землячеств, экопоселений а также этно-, экотуристики [Малькова, Тишков, 2012]; но необходимо помнить о противоположной крайности: инсценированной аутентичности – опасности впадения в экзотизм. Необходимы действующие технологии, направленные не на абстрактные представления о когда-то идеально функционировавшей традиционной культуре, а воздействующие конкретно на локальный, но системообразующий сегмент культуры этноса, в данном случае, аласную культуру.

Традиционная поселенческая культура саха в конце XIX – начале XX вв. определялась расположением покосных угодий и источников воды. Хозяйства якутские скотоводы основывали на закрепленных общиной земельных наделах, которые соответствовали алаасам, отстоящим

друг от друга в двух – трех километрах. Концепт 'алаас' имеет несколько значений: алаасами называются «места жительства на открытых пространствах ..., ландшафты, осушенные в результате спуска озер, небольшие озерные котловины, богатые травостоем» [Федорова, 1999, 31]. Кардинальная перестройка традиционных поселенческих практик в Якутии началась с конца 20-х годов XIX века [Аргунов, 1985, 209]. Первые поселки появились на территориях усадеб богатых якутов. Коренной земельный передел был осуществлен в 1924-1926 годах. Тогда в Якутию «стали централизованно завозить новые породы рогатого скота. Поэтому местная порода разводилась в чистоте только до 1929 года» [Романов, 1984, 21].

И.С. Гурвич первым обратил внимание науки на культуру северных якутов-оленевонов, опираясь на Г.В. Ксенофонтова и С.А. Токарева, определил важную роль оленей в домашнем хозяйстве саха [Гурвич, 1977, 247]. Но только у С.И. Николаева-*Сомоготто* есть статья под названием «Аласная культура Якутии». Автор выдвинул гипотезу о том, что саха – «Аборигенный народ, сформировавшийся и развивший скотоводческую культуру в условиях вечной мерзлоты» [Николаев, 2012, 28-31]. В аласную культуру *Сомоготто* включает всю систему жизнедеятельности, не только хозяйственные практики. Таким образом, в науке существует описание факта разведения саха трех видов домашнего скота: крупного рогатого, лошадей и домашних оленей.

Ученые исследовали аласную культуру в частных аспектах: например, В.Н. Иванов изучал кузнечное дело якутов XVII в.; Ф.М. Зыков – поселения, жилища и хозяйственные постройки, традиционные орудия труда и ювелирные изделия XIX – начала XX вв.; А.С. Барашкова, Т.З. Винокурова – проблемы семьи; П.И. Докторов – историю и современное состояние ремесел и кустарных производств. Е.Н. Федорова предприняла геодемографическое исследование населения Якутии. Значительный вклад в разработку базовых категорий традиционной культуры саха внесла Р.И. Бравина «Концепция жизни и смерти в культуре этноса» (2005).

В республике внедряется практика экопоселений, интересны работы В. Кирбятьева, Р. Гилман, Д. Ольховского и других. Проблемы и перспективы развития экопоселений становятся предметом обсуждения конференций «Модернизация экономики и общества» [Гилман, Хомякова, 2016]. Не теряет остроты проблема сохранения традиционных видов хозяйствования в связи с изменениями климата, опыт Якутии представлен В.Б. Игнатъевой. Н.К. Данилова обращается к теме «Историко-культурный ландшафт: восприятие пространства в мировоззрении саха». И.С. Бурцев и А.И. Чомчоев рассматривают экологические проблемы.

Все перечисленное касается материальной стороны аласной культуры саха. Но в жизни народа системообразующей выступает сфера отношений и духовно-нравственная атмосфера. В республике с конца XX в. развивается этнопедагогика (последователи академика Г.Н. Волкова В.Ф. Афанасьев, К.С. Чиряев и др.) по методологии близкая педагогической культурологии. Идеи воспитания детей в якутском поселении *тюёлбэ* в 90-е годы XX в. привлекали внимание педагогов, (Д.А. Данилов, А.Г. Корнилова, И.С. Портнягин, Е.П. Чехордуна, А.П. Шамаева и др.). Была разработана Республиканская программа «Тиэргэн» по развитию семьи и семейной культуры. Г.С. Попова рассматривала семейные традиции и

организовала Сеть инновационных площадок по воссозданию годового цикла жизнедеятельности якутского социума. И.Е. Алексеев в книге «Холумтан сылааһа» [Алексеев, 2013] описал жизнь и быт саха в аласе, им предложен проект летнего лагеря для школьников на базе крестьянского хозяйства. Таким образом, отдельные аспекты аласной культуры саха в науке исследованы.

Природа традиционной культуры синкретична, потому изучение ее возможно только в совокупности системных связей, следовательно, в исследовании и эксперименте акцент должен быть на связи и стыке, которые выполняют роль шестеренок, запускающих механизм и обеспечивающих жизнедеятельность системы. То есть, при реконструкции аласной культуры необходим системный подход, акцент на «взаимозависимости всех составных структур» [Арутюнов, 1985, 35]. Вне зоны внимания прикладной культурологии остается феномен экопоселений, проблемы межпоколенной трансляции, экологической культуры, которые реализуются в опыте реконструкции аласной культуры.

Итак, целью работы выступает анализ предварительных результатов апробации метода погружения в аутентичные условия в локальном гнезде функционирования и обобщение опыта реконструкции традиционных поселенческих практик саха. Исследовательская методология выработана в рамках системного и междисциплинарного подходов, раскрывающих системные связи аласной культуры, используются методы мифогеографии и микроистории, метод погружения в аутентичные формы культуры, а также экспериментальные технологии реконструкции аласной культуры.

Представления о структуре пространства в традиционной культуре саха – концепт ‘алаас’

При исследовании культуры базовыми являются локально-темпоральные характеристики, то есть, «культурное пространство, конструируется не только на основе хронотопа, но обязательно включает представления о мироздании» [Никифорова, 2010, 125]. Определяя культурные смыслы пространства как «конструируемую человеком пространственную среду», В.Н. Тишков выделяет следующие типы: «геопространство, организованное по-разному в разных культурных традициях; социальное пространство, <...>; поведенческое ...; психологическое ...; информационное ..., которое в последнее время дополнилось понятием электронного ... (или) воображаемое пространство» [Тишков, 2003, 289-290].

Отношение к пространству в полукочевой традиционной культуре саха выстраивается иначе, чем в оседлых или кочевых культурах. Эту специфику отметили еще казаки-первопроходцы, даже им была непонятна та *легкость на подъем*, которая отличала саха: «Да те же, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по часту. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и они иной волости и сказываются, а как в оную волость переедут, и они иной волости сказываются» [Колониаль-

ная политика ..., 1936, 36]. Меньшая, чем в сельскохозяйственных культурах, «привязанность» к конкретному месту, при почитании духов местности: подобная амбивалентность во взаимоотношениях Человек – Природа ставила в тупик не только казаков, но шла вразрез с политикой налогообложения. «Важнейшим аспектом системы социальной дифференциации в раннеякутском обществе является характер собственности на землю и скот. ... Территории каждого из клановых образований были неустойчивы, подвергались частым изменениям в процессе междоусобиц» [Васильев, 1995, 47]. Итак, междоусобицы, засухи, наводнения, пожары корректировали и без того динамичную пространственную модель традиционной культуры. Из «Документа № 17. Объяснение якутов Якутской области о законах и обычаях их» (представлено в Якутское Областное Управление головами пяти улусов и 2 волостей Якутского округа при рапорте от 25 августа 1823 г.) [Памятники права, 1994, 119] в пункте «Смешанное жительство» прописаны основные принципы хозяйствования: «1-е. Якуты зимою живут на самых покосных местах, находя удобным скот кормить у самого стога сена, а потому и переезжают туда, где есть урожай сена и где оно ими выкошено, то есть буде в самом наслеге и на своих местах не родилось травы, то берут за кортом в других наслеггах того же улуса или и другого улуса в наслеггах и там зимуют, <...>. 2-е. По части летников еще более затрудняются, ибо по засухам переезжают с летника на летник и другого владения, но без стеснения однакож владельца, до чего не допускаются» [Там же, 124-125]. Так же подробно указаны нормы обычного права по традиционному землепользованию «12-е. Покосы и летники» и «18-е. Поскотины» [Там же, 132-135].

Пространство определяется как географически, так и качественно [Гуревич, 2007, 93]: сакральное и профанное; верхний, средний и нижний миры; свое и чужое и т. д. Саха из восьми линейных направлений главным считали восток *илин* (восход солнца). Дальше отсчет велся по движению солнца, как и в других культурах, пространство выстраивалось по антропологической модели. Такая система мер применяется не только в традиционной культуре, и в современной повседневности мы смотрим с позиций обыденного сознания, вариантом которого является традиционное сознание [Дмитриев, 2007]. Обращение к единым пространственным архетипам позволяет выйти на универсальную, эпистемологическую модель культуры. В пространстве традиционной культуры второй после тела точкой отсчета служит жилище. «Жилище ... имело особое структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства» [Гоголев, 1993, 94]. Дом воспринимается как локус пространства повседневности, освоенная территория, и дополняется временным поколенческим критерием общности, принадлежностью к семье, роду. Последнее из чисто географического выводит на «символическое пространство индивидуальности и становится одним из условий ее культурной состоятельности» [Дерябин, Дерябина, 2013, 14]. Ю.М. Лотман относил к «локальному пространству, в пределах которого осуществляется идентификация» [Лотман, 1999, 135] и семиотическое пространство. «Организация и использование пространства ... является важным фактором культурной идентичности» [Тишков, 2003, 71].

Среди других «характеристик пространства ..., с его топографией, определением центра, периферии, границ, приграничных территорий; способов и маршрутов перемещения внутри и выхода за пределы» [Лелеко, 2002, 92] дом становится исходной точкой человеческой общности, обретает форму, структуру, культурный смысл, отсюда понятие *родовое гнездо*, наследуемое современностью. Наряду с собственным и родовым именем в социальную идентификацию человека, самоидентификацию, включается место рождения и проживания в детстве.

Рассмотрим структуру пространства традиционной культуры саха. «В семиотическом пространстве происходит падение интенсивности семиозиса от центра к периферии, где знаки уже как бы размыты, слабо прорисованы. В то же время, максимально плотные и устойчивые в центре определенной семиосферы, образы мира становятся более изменчивыми, более семиотически неясными на ее периферии» [Замятин, 2006, 70]. Функция и семантика доместицированного пространства со временем дифференцируется и иерархически усложняется: складывается сложная система маркировки границ пространства. По С.К. Колодезникову, первый круг мезокосма – освоенного пространства в традиционной культуре саха: *юрта* – летний вариант жилища, *балаган* – зимний [Колодезников, 1991, 19]. Еще одно обозначение дома – *алаха* (дом, жилище), с пометой (устар.) в значении «родной дом, ... место возникновения развития чего-либо, колыбель; изначальная священная спасительная обитель, священный родной очаг; почтительно-церемонное описание родного дома» [Толковый словарь, т. 1, 2004, 400-401]. По сути, переживает лимитацию символ, заряженный потенциалом гражданственности, самоидентификации личности, способствовавший становлению «я-концепции» этноса.

Для традиционной культуры характерна «семантическая и ритуально-сакральная маркировка границ: входов – выходов жилища, двора и приусадебного участка» [Махлина, 2000, 404]. Центр и границы – взаимообусловленные характеристики конечного пространства. Это следствие внутренней точки зрения на пространство, свойственной мифологическому и обыденному сознанию. Граница, предел – важнейший конституирующий признак пространства; ограничивание, полагание пределов – органически присущая культуре потребность.

Ко второму кругу освоенного пространства относится двор с хозяйственными постройками, куда входят амбар, *хаһаа* – загон, *кюрюё* – сеновал, а также *сэргэ* – коновязь [Колодезников, 1991, 19]. Строительная традиция саха сохранила комплекс жилого и хозяйственного пространства: *кыһынгы дьизэ*, *балаган* (зимнее жилище); *кюлэ* (сени); *югэх* – пристроенный амбар; *хотон* (зимник). *Титиик* (летник), *дал* (загон для рогатого скота), *хаһаа* (загон для лошадей). На территории алааса проживали дворами несколько семей. «*Ылал* – двор, жильё, семья; аиил – (ст/монг.) группа юрт, селение, юрта, дом, сосед» [Сидоров, 1997, 44], со временем они роднились, и получалось, что алаас заселен родственниками *аймах*, на языке саха это слово обозначает кровных родственников, а также «собрание родных близких людей, ...

земляков, односельчан» [Толковый словарь, т. 1, 350]. Кроме людей и скота в пространстве среднего мира «по верованиям якутов, постоянно обитали мелкие *абааһы*, причинявшие незначительные болезни, и злые духи, якобы насылавшие эпидемии ... *юёр* – неупокоенные души ... умершие преждевременной или насильственной смертью, ... самоубийцы, ... уродливые телята и жеребята» [Алексеев, 2008, 116-117]. Они провоцировали обыденное сознание человека на бодрствующее, напряженное состояние. Одной из превентивных мер по защите от нежелательного вторжения злых духов являлось нанесение углем или мелом графического изображения конского глаза или креста над отверстиями жилища.

К третьему кругу отнесены покосы, выпасы и охотничьи уголья «ст/монг. *Отор* – вольное пастбище, вдали от жилья. Як[утский]. *Отор* – временное летовье, выпас для скота» [Сидоров, 1997, 55]. Если ограниченный круг второго пространства маркирует коновязь – *сэргэ*, то простор третьего круга защищают духи *Ытык Мас* – священного дерева или *Эбэ Иччитэ* – озера. «Пригодными для поселений считались глухие малоприметные места – *бютэй сир*, где обозначались центр, периферия и границы, что давало ощущение пространственной защищенности» [Бравина, 2005, 25-26]. Выбор места поселения приходился, как правило, «по берегам озер и стариц» [Окладников, 1955, 116], на опушку, пространство близ водоема, в место, защищенное от ветров лесом, то, что в культуре саха называется алаасом. «Алаас, елань – луговое или полевое пространство, окруженное лесистой горою; (подгорная) долина, дол, чистая поляна среди леса. Поле или луг, окруженные лесом» [Пекарский, 1959, стлб. 67].

Следующий по мере отдаления от жилища круг – алаас, символ пространства культуры саха, этики пространственного освоения. Для саха понятие родина ассоциируется с алаасом. Он образует непрерывность организованного пространства, превращая его в культурную среду, вписывает в контекст культуры, деятельности, предметного окружения. Не случайно, именно *аласная* культура определена основной идеей ниспослания жизни; алаас воспевали, он снился на чужбине, его дух покровительствовал роду. Алаас – традиционный локус пространства саха, который связан с идеей оптимального существования человека в природной среде. В алаасе принято ограничение пространства изгородью – *кюрюё*, которая артикулирует пространственную структуру. По мере отдаления от балагана, меняется форма и назначение изгороди, которых у саха десятки видов. Самая распространенная – трехжердевая столбовая изгородь. Изгородь организует территорию вокруг жилища, постепенно включает человека в освоенное пространство через опредмеченный ритм, создает среду человека в гармонии с Природой. Пространство двора просторно, и отмечено, кроме изгороди, коновязями – *сэргэ*. Исследователи насчитывают более восьмидесяти видов *сэргэ*, которые делят на группы: надворные – *тэлгэһэ сэргэлэрэ*, среди них почетные, хозяйские, дежурные; культовые – *итэгэл* (ритуальные, *сэргэ* невесты, *сэргэ* на новоселье, по случаю рождения ребенка и т. д.).

Итак, территориальное устройство в традиционной культуре саха структурно можно представить следующим образом: *хотон* = *ыал* (ср. тюрко-монгол. – аил) – *аймах* (ср. тюрко-

монгол. – аймак) = *алаас*, несколько *алаасов* = *улус*. Улус – самодостаточная автономная целостность, с правовой точки зрения, улус – административная единица; с имущественной – территория владения тойона у саха.

Все явления и объекты природы обладали сверхъестественными свойствами и имели духов-хозяев *иччи* [Бравина, 2005]. Всякое вмешательство в мир природы чревато опасностями. Считалось, что обидеть, оскорбить духов – хозяев природы можно не только действием, поступком, словом, но мыслью, настроем по отношению к ним, излишней самоуверенностью. Рассмотрим роль принципа антропоморфизма в становлении мифологической модели мира. «Тело человека ... является предпочтительной системой соотносительных понятий, к которой сводится членение пространства» [Кассирер, 1998, 483]. Значительная часть терминов пространства образована от анатомических, путем метафорического переноса: *аргаа* – спина и запад; *киин* – пуп и центр; *чанчык* – висок и нижняя боковая сторона; *бас* – голова и передняя или верхняя сторона; *быар* – печень и середина, выступающая часть [Бравина, 2005, 29]. То же «в башкирском языке: *ер бауыры* – поверхность земли (букв. печень земли), *ер бите* – поверхность земли (букв. лицо земли), *ер аягы-ер башы* – за тридевять земель (букв. нога земли + голова земли)» [Хизбуллина, 2012, 37]. Субконцепты пространства: площадь, дистанция, размер, как и в других культурах, имеют либо антропоморфную природу, например, англ. – фут, дюйм; русск. – пядь, локоть; либо обусловлены хозяйственной деятельностью (временем преодоления пространства). Вот некоторые примеры мер длины в культуре саха: *сюём* – расстояние между кончиками большого и указательного пальцев; *харыс* – между большим и средним пальцами; *харды* – длина большого шага; *былас* – между вытянутыми в сторону руками (сажень). Дальние расстояния измеряются единицами хозяйственной практики *ох* – дальность полета стрелы; *сатыы кёс* (*кыра кёс*) – расстояние, преодолеваемое пешком за час или *огус кёһө* – бычья миля (7-8 км); *сатыы кюннюк* – путь за день (30-40 км); *ат кёһө* (10 км) час пути всадника [Гоголев, 1993; Пекарский, 1959; Слепцов, 1972].

Саха сохраняли чувство слитности с местом рождения. Природа местности наделялась теми же качественными характеристиками, что и человек: она имела дыхание, нрав, охраняла и наказывала. Считалось, что родная земля способна оберегать и защищать своих: «как только человек выходил за пределы своего алааса, его подстерегали опасности и беды, что вынуждало строго придерживаться табу в пути и специальных правил поведения на чужбине» [Бравина, 2005, 25]. Якутская пословица гласит: *Омук сирэ одурууннаах, ёһюк сирэ ёһюргэстээх* – чужая сторона опасна, а своя обидчива. «Религиозные представления накладывают отпечаток на восприятие пространства ... в пределах, достижимых для чувственного восприятия обычного человека» [Чернухина, 2013, 31]. В качественно неоднородном географическом пространстве традиционной культуры выделялись *улуу сирдэр* – сакральные (великие места), наделяемые культурным смыслом и конструируемые как исключительные. К ним относились «открытые» площадки – *аһагас сир*, через них нижний и верхний миры

воздействовали на средний, предопределяя *тыын* (дыхание) этих мест. В зависимости от этого якуты делили сакральные места на священные – *ытык сир* (почитаемое) и «нечистые» *абааһылаах сир* [Бравина, 2005, 25-26]. Священными считались места поселений предков; места, отмеченные историко-культурными памятниками, возведенными в честь знаменательных событий, например, коновязью *сэргэ*, жертвенными знаками *кэрэх*; места древних захоронений. В сакральных местах существовал особый «поведенческий кодекс»: например, запрещалось произносить вслух название места, использовались эвфемизмы.

Выше мы указывали, что традиционному сознанию свойственны сложные чувства по отношению к территории проживания. Узы землячества едва ли уступают родственным, и этот факт является значимым в процессе формирования властных структур, заметно влияет на приоритеты в образовательной системе, а через них сказывается на всех уровнях культуры.

Из опыта реконструкции аласной культуры

В 90-е годы XX в. изменившиеся социально-экономические обстоятельства вскрыли новые (старые) стороны жизни; из них ключевой – земельные отношения: правовые и межевые. Данный участок выбран потому что, во-первых, расположен близко (менее часа езды) от районного центра и Якутска; относительно удобная транспортная схема. Во-вторых, исторически сложилось так, что этот район географически и ментально для всех саха является центром *киин* или *дойду* – родина, материк. В-третьих, с 2002 года участок используется как площадка для организации летнего отдыха школ района, а с 2012 ведется работа по организации базы практик кафедры культурологии. С 2016 г. оформляются документы на расширение в связи с выделением «бесплатного гектара» земли по Закону «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков» (01.06.2016 №119-ФЗ). Территория *түөлбэ Улуу Тогой* оформлена как муниципальный заказник, следовательно, эти земли не подлежат купле-продаже.

На участке построен якутский *балаган*, отвечающий канонам традиционного зодчества саха, бревенчатый дом из соснового кругляка, рядом – ледник, гараж. Отреставрирован амбар постройки II пол. XIX в., в котором формируется этнографический музей, где выставлены хозяйственная и бытовая утварь и орудия труда аласной культуры: скотоводчества, охотничьего и рыбного промыслов. На территории алааса сохранились маркеры объектов сакрального характера, где возрождаются традиционные обрядовые практики.

До укрупнения сельских поселений в 60-х годах XX в., в *Улуу Тогой* Мегино-Кангаласского р-на располагался II Хаптагайский наслег, где был колхоз им. Э. Тельмана. Название происходит от расположения в полукольце р. Тамма, она огибает Улуу Тогой (Великой дугой). Улус административно относится к центральной зоне Якутии и находится в Лено-Амгинском междуречье, исконно скотоводческом районе. Здесь был небольшой участок, затем поселок с начальной школой, больницей, магазином, фермой; с табунным хозяйством и охотничьим про-

мыслом на ездовых оленях. Наслег сохранял три вида традиционного скотоводства. Жизнь протекала по издавна налаженному укладу. Электричество, радио и телефон провели в 60-е годы XX в. Крупный рогатый скот был коллективизирован, содержался на фермах, населению позволялось держать одну корову на семью. При корове – молодняк, потому в хотоне было до трех голов скота. Лошади подлежали поголовной коллективизации, содержались в табунах, коневодство продолжало развиваться естественным ходом. Ездовых коней разрешалось держать охотникам, пастухам и руководству колхоза. Олени использовались только в охотничьем промысле. Хозяйственно-бытовая утварь, зимняя одежда, разнообразие сезонной обуви, предметы быта, тягловое и охотничье оборудование – все изготавливалось по старинным технологиям. Поколение 40-х годов в детстве посильно участвовало в процессе производства и многое способно воссоздать. Некоторые сложные виды ремесел, к примеру, плетение рыболовных сетей из конского волоса *кыл илим*, изготовление морд для рыбалки из корней деревьев *туу*, кузнечное и гончарное дело, выделка шкур *тирии ыыстыыр* почти утрачены, но еще есть возможность передать технологии молодым.

В 70-е годы XX в. в связи с политикой совхозного строительства, участок был расформирован и переселен в пос. Лоомтука I Тылыминского наслега, в 20-ти километрах за речным кольцом, население было вырвано из автономного природно-культурного мира. С тех пор здесь живут одна – две семьи, присматривающие за стадами молодняка. Материально-техническая база колхоза была переведена в поселок, постройки разобраны. «Динамика культуры, переход от одного типа (цикла) к другому сопровождается сменой пространственно-временных представлений. Наиболее интересным в этом смысле является сам момент перехода, который фиксирует ситуацию «смены» доминирующих форм темпоральности, пространственных образов, архетипов» [Красильникова, 2013, 5]. Таким образом, к 90-м годам налицо имелась «заброшенная местность со следами жизни совхозного поселка и старинных аласных поселений предков: сиротливо торчащими сэргэ и остатками жилья» [ПМА, Григорьева, Попова, 2003].

Ниже предлагается описание почти забытого специального обряда по случаю отправления на упокой (в данном случае, не принято употреблять слово 'захоронение' из соображений апотропеической магии) старых сэргэ – *кырдыгаас сэргэни ытыгылааһын сиэрэ-туома*. Символика сэргэ – коновязи, по М. Элиаде, оно выступает в роли *оси мира* [Элиаде, 1994, 30]. «Старое сэргэ повалилось. Следующим летом четыре человека взяли его на две палки и отнесли на западную опушку усадьбы, уложили под уклоном у подножия старой ели, оставив возле ритуальную еду (олады, кумыс), которой угощали и отпрашивали сэргэ у его старого места. Смысл испрашивания: "Мы тебя отправляем на упокой в новое место, предназначенное для вечного пребывания, и с того места тебе наша жизнь будет прекрасно видна". Ритуально-обрядовые практики придают уверенность в правильности образа жизни, который мы стараемся вести в условиях элиминации этнического и традиционного в алаасе» [ПМА, Игнатьев, 2015].

Эксперимент показал, что происходящее в алаасе, реально функционирует; глубоко символичное «оно имеет живое воздействие на этнокультурную самоидентификацию» [Попова, 2014]. Идея опыта заключается в следующем: можно заново освоить аласную культуру предков, оформив в собственность родовые имения – алаасы, и на новом технологическом уровне заниматься традиционными видами хозяйствования. Таким образом, можно возродить малую родину. Владельцы живут по алаасам; дети и внуки приезжают на каникулы, погружаясь в аласную культуру. Здесь постоянно проживает старшее поколение: трудоспособного возраста взрослые (индивидуальные предприниматели) и пенсионеры, ценящие близость с природой, ощущающие потребность самоидентифицироваться как представители родового и этнического сообщества.

В 2003 г. отцовский родовой клан *ага ууһа* организовал в алаасе национальный праздник поклонения духу местности *Дойду иччитигэр Ыһых*, по 12-летнему народному календарю – год духа-хозяйки земли *Аан Алахчын*. Живем мы в своем алаасе с мая-июня по сентябрь, занимаемся строительством, сенокосом, рыболовством, собирательством. Спустя полный цикл, в 2015 году *ыһых* повторили [Попова, 2015, 333].

За эти годы в *Улуу Тогой* на других алаасах начали появляться новые *балаганы*. Три семьи фермеров живут круглогодично: семьи Егоровых и Игнатьевых занимаются табунным коневодством, семья Скрыбыкиных разводит коров; получают государственное субсидирование, занимаются скотоводством. Коневоды держат по восемь – десять табунов, (в табуне у жеребца по десять кобыл с приплодом). Отдельно держат молодняк двухлеток, имеются ездовые лошади. Таким образом, «в *тюёлбэ*, по старинной поговорке *сыһыы аайы сыспай сиэллээх сырыыргаата* (на каждом лугу пасутся кони). У Скрыбыкиных пять – шесть дойных коров, два – три поколения приплода, так что стадо в тридцать голов гуляет по долам *тюёлбэ*. Не сказать, что *хонуу мунгунан хорогор муостаах хойунна*, (долина полна рогатыми), но не то, что несколько лет назад, когда в округе коровьей лепешки на дымокур невозможно было сыскать. Теперь то и дело на них наступаешь – верный знак того, что жизнь в алаас возвращается» [ПМА, Игнатьев, 2015].

Природа отзывается на хозяйственно-трудовую созидательную деятельность человека, вместе с тем требуются защитные меры, с целью восстановления природно-культурного баланса алааса. Основное занятие летом – заготовка кормов для скота. «Как и везде, народ использует технику, потому травостой вокруг озер и опушки испорчен: к воде в болото трактор не заходит; а на опушке водителю недосуг вырисовывать фигуры по абрису ландшафта. В старину взрослые заставляли подростков вручную выкашивать неудобья, а траву вытягивали деревянными граблями, потому алаасы выглядели опрятно, как аккуратно причесанная девушка. Алаас должен быть огорожен изгородью-*кюрюё*, сегодня этой традицией пренебрегают, изгороди делают, наспех обматывая жерди проволокой вместо лыка из тальника, потом она десятилетиями ржавеет, калеча скоту и детям ноги. Мы пропагандируем традиционные, природосберегающие технологии» [ПМА, Васильева, Попова, 2005].

Устанавливаются памятники культурного наследия, например, национальному герою Манчаары на месте его наблюдательного пункта. По преданию, отсюда он подглядывал за *ыһыахом*: поскольку был в очередном побеге из тюрьмы, побоялся зайти в круг танца, конечно, он хотел бы воспеть красоту лета и торжество свободы, ведь был отличным запева-лой, да и посостязаться, ловкий и сильный, был бы не прочь. Памятное сэргэ поставлено по инициативе краеведа В.М. Абрамова-Мыччы (Улусный краеведческий музей).

К этому ряду относится знаковый камень, поднятый Петром Осиповым-Бётюкээс перед уходом на войну в 1941 г., огорожен учащимися Тыллыминской школы. В республике с тех пор не нашелся силач, который смог бы поднять его. Символический смысл данного поступка описан Г.С. Поповой к 65-летию Победы, статья напечатана в местной газете. Публикация вызвала общественно-культурный резонанс и послужила активизации поиска знаковых мест и интереса к микроистории рода и улуса. Игнатьевы перевезли камень на место въезда в старый поселок, установили сэргэ; их дед-кузнец Тимир Байбал был свидетелем того, как Осипов поднял камень из речного переката возле летника *Санга сайылык*. Так возродилась память о Петре Осипове-Бётюкээс, камень – единственное, что связано с его именем.

Многие семьи ведут поиски родословной, издают книги о родителях, возрождают тропы на родину предков, собирают местные легенды о кузнецах, мастерах, выдающихся земляках; знаменательных местах. Таких быличек, легенд и локальных мифов в алаасе собрано более десяти, они демонстрируются гостям. Мы имеем возможность инициировать и наблюдать, как реально запускается механизм культуры. Уходящие знаки культуры возрождаются, наполняясь забытым содержанием, и обретают новые смыслы. Срабатывает «мифо-географическая модель палимпсеста – представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации ... представлений) создается множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое означивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних» [Митин, 2014, 149]. Учитель, писатель В.С. Федоров-Сэмээр *Баһылай* завещал, чтобы дети похоронили его на родине, рядом с отцом; теперь эта могила является почитаемым местом – знак обживания. Со времен переселения перестали хоронить на местном кладбище, а в старину последним покоем становилась южная возвышенность алаасов – *халдьаайы*. Так оживает память, и начинают работать культурные маркеры заброшенной местности.

В традиционной культуре саха каждая семья имела по три, а то и четыре усадьбы в разных местах: зимой на защищенной от ветра лесной полянке, весной на месте отела кобыл, летом, как правило, у речки, а осенью на месте вновь отросшей отавы. Все делалось для продуктивного использования сенокосных угодий, таким образом, в действительности скотоводы-саха вели полукочевой образ жизни. При этом одна семья держала все три вида домашнего скота – крупный рогатый, конный и ездовых оленей [Николаев, 2009, 32]. В ходе

реконструкции предполагается задействовать три усадебных места: *кыстык ётёх* – алаас *Куччах*; летник *Хаһаа сайылык* и осеннее жильё *отор сайылык* на отаве восточного побережья Тамма.

Общественный актив *Тюёлбэ Сьюэтэ* собирает земляков на встречи, каждое пятилетие в юбилей Победы организуется *ыһыах*, дважды выпускалась наследная книга памяти, обновляется памятник участникам войны, на месте последнего сбора перед отправкой на фронт в сайылыке *Хатынг Ураһа*. Опорой в реализации модели является Тыллыминская школа, координатор воссоздания годичного цикла жизнедеятельности социума, выступающая инициатором сети этнокультурно-ориентированных школ «Сахалы тыыннаах оскуолалар ситимнэрэ» (десять школ Мегино-Кангаласского улуса), с 2007 г., школа считается Республиканской экспериментальной инновационной площадкой Министерства образования РС(Я). Накоплен и обобщается опыт взаимодействия школы и социума по внедрению культурологической составляющей содержания образования. Наслед со школой живет по природосообразному народному календарю, с большим энтузиазмом внося в повседневную жизнь этнокультурную компоненту [Попова, 2014, 95]. Вокруг общей идеи в семье поселяется мир и взаимопонимание, и благосостояние наслега повышается.

Выше приведено описание опыта реконструкции аласной культуры, который можно экстраполировать на немногочисленный сельский социум в локальном гнезде функционирования. Проблема дальнейшего научного поиска в том, чтобы на имеющейся базе осуществить практическое «погружение» современных саха в аласную культуру, путем краткосрочных заездов, креативных сезонных лагерей, краеведческих экспедиций, трудовых десантов и других форм творческих индустрий. На данном этапе социокультурного проекта осуществляется введение в изучаемый процесс инноваций с целью изменения существующей социокультурной, экономической и экологической ситуации; внедрение «стимулированной трансформации» [Арутюнов, 1985, 33-35]. В нашем случае, мотивом к инновациям будут служить пробужденные в участниках проекта ментальные потребности, знания и навыки по традиционной культуре (студенты и школьники). Новшества – реконструкция и рекомбинация аутентичных форм аласной культуры. Сюда следует включать достижения современной техники и цивилизации, гармонично входящие в быт субъектов аласной культуры: солнечные батареи, экологически чистые продукты и технику.

Выводы

Планируется следующим образом продолжить работу по воссозданию аласной культуры.

1. Финансовые ресурсы: планируемый этап нуждается в грантовой поддержке местных органов власти, и смежных с образованием отраслей народного хозяйства, к примеру, Министерств сельского хозяйства, по делам молодежи и семейной политики.

2. Кадровые ресурсы (эксперты, специалисты, волонтеры): предполагается организовать кадровое обеспечение проекта, планируются научные консультанты, мастера-наставники, проводник для краеведческих экспедиций, тьюторы для организации досуга детей; преподаватели, руководящие производственной практикой студентов и аспирантов, обучающихся по профилю «Социокультурное проектирование».

3. Материально-технические ресурсы: необходима база для практического погружения в процесс реального функционирования аласной культуры (автотранспорт, стоянки, орудия сельскохозяйственного труда и хранения предметов быта).

4. Природные ресурсы предполагается использовать экологически целесообразно на основе опыта реконструкции аласной культуры в *тюёлбэ Улуу Тогой*.

Ожидаемые результаты:

– создание круглогодично функционирующего локального гнезда – этнокультурной опытной площадки (базы практик) в рамках системы аласной культуры одного *тюёлбэ*, заселенном потомственными хозяевами-скотоводами, охотниками, рыбаками и собирателями, способными жить за счет собственного традиционного хозяйства по этническому календарю;

– создание базы практик планируемого Этнокультурного научно-исследовательского центра кафедры культурологии ИЯКН СВ РФ в алаасе *Куччах* (владельцы А.А. и Г.С. Поповы) по воссозданию комплексной модели аласной культуры саха;

– реконструкция механизма межпоколенной передачи традиционной скотоводческой культуры саха от старшего поколения молодому;

– разработка действующих аутентичных форм практического погружения современных саха в воссоздаваемую аласную культуру.

Библиография

1. Алексеев И.Е. Саха дьарыга, угэһэ [Быт и традиции саха]: Холумтан сылааһа [Звукозапись] / Хомус Уйбаан. Дьокуускай, 2013. (на якут. яз.).
2. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 493 с.
3. Алкор Я.П., Греков Б.Д. (ред.) Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сборник документов. Л., 1936. 328 с.
4. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
5. Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 31-50.
6. Бобрин А.А. Концептуализация пространства в культуре (на примере традиционной культуры русского населения Урала): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2011. 26 с.
7. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 305 с.

8. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
9. Гилман Р. Экодереvни и устойчивые поселения // Международный социально-экологический союз. 2000. URL: <http://www.seu.ru/cci/lib/books/ecoderevni/in>
10. Гоголев А.И. Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: ЯГУ, 1993. 200 с.
11. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеvодов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.
12. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2007. 559 с.
13. Данилова Н.К. Историко-культурный ландшафт: восприятие пространства в мировоззрении саха // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 100-103.
14. Дерябин Ю.И., Дерябина В.А. Символическое пространство как форма самоопределения индивидуальности в культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание, 2013. №1 (16). С. 14-16.
15. Дмитриев В.А. Пространство и время в традиционной культуре: историографический аспект историко-культурного изучения // Вестник С.-Петербургского университета. Серия 2. История, 2007. №4. С. 267-280.
16. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
17. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
18. Колодезников С.К. Категории традиционной культуры якутов: пространство, время, движение (по материалам фольклора) // Духовная культура в жизни этноса. Якутск, 1991. С. 5-27.
19. Красильникова М.Б. Пространственно-временное измерение русской культуры переходных эпох. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. 187 с.
20. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.
21. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: «Языки русской культуры», 1999. 464 с.
22. Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону, 2012. С. 27-62.
23. Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства: Опыт энциклопедического словаря: В 2 ч. СПб.: СПбГУКИ, 2000.
24. Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2014. С. 147-156.
25. Никифорова С.В. Символика женских украшений: культурные коды традиционной повседневности саха (якутов). СПб.: Астерион, 2010. 220 с.

26. Николаев-Сомоготто С.И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
27. Николаев-Сомоготто С.И. Сомоготто: Сборник статей / сост. В.Н. Сафонова. Якутск, 2012. 857 с.
28. Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1955. 432 с.
29. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1959. Т. 1-3.
30. ПМА 2003–полевые материалы экспедиции автора в тьюэлбэ Улуу Тогой Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия). Июль 2003 г. Рабочие тетради и дневники экспедиций. (Информант: Т.С. Григорьева, 1937 г.р.)
31. ПМА 2005–полевые материалы экспедиции автора в тьюэлбэ Улуу Тогой Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия). Май 2005 г. Рабочие тетради и дневники экспедиций. (Информанты: Г.К. Васильев, 1947 г.р.; Р.К. Васильева, 1951 г.р.)
32. ПМА 2015 – полевые материалы экспедиции автора в тьюэлбэ Улуу Тогой Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия). Июнь 2015 г. Рабочие тетради и дневники экспедиций. (Информант: С.С. Игнатъев, 1963 г.р.)
33. Попова Г.С. Этнический календарь в образовательной деятельности // Этнокультурное образование в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации. Якутск, 2015. С. 330-338.
34. Попова Г.С. Этническое измерение идентичности // Назукина М.В. (ред.) Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы конференции. Пермь, 2014. С. 94-97.
35. Романов П.А. Охрана и использование генофонда якутского скота. Якутск: ЯГУ, 1984.
36. Сидоров Е.С. Якутские лексические сходжения. Якутск: ЯГУ, 1997. 144 с.
37. Слепцов П.А. (ред.) Толковый словарь якутского языка в 15 т. Т. I-X. Новосибирск, 2004-2015.
38. Слепцов П.А. (ред.) Якутско-русский словарь. М., 1972. 605 с.
39. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
40. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/
41. Федоров М.М. (сост.) Памятники права Саха (Якутия): сб. док. и материалов. Ч. II. Якутск, 1994. 197 с.
42. Федорова Е.Н. Население Якутии. Прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1999. 205 с.

43. Хизбуллина Д.И. Категория пространства в динамике духовной культуры // Вестник Томского государственного университета, 2012. №354. С. 35-40.
44. Хомякова А.П. Экопоселения в России: проблемы и перспективы развития. URL: <http://www.zircon.ru>
45. Чернухина М.А. Категории пространства и времени в истории и философии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2013. №10. С. 29-36.
46. Элиаде М. Сакральное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

The problems of recreation of Sakha alaaas culture in modern conditions

Galina S. Popova

PhD in pedagogics,
professor at the department of cultural studies,
Ammosov North-Eastern Federal University,
677000, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Sargylana V. Nikiforova

PhD in cultural studies,
associate professor at the department of cultural studies,
Ammosov North-Eastern Federal University,
677000, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Ekaterina A. D'yachkovskaya

Postgraduate,
senior lecturer at the department of cultural studies,
Ammosov North-Eastern Federal University,
677000, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: nsv2107@mail.ru

Abstract

Since the beginning of the XXI century in the Republic of Sakha (Yakutia), there has been an increase in the processes of recreating the alaaas culture: families that are engaged

in traditional cattle breeding are settling on generic hayfields. The objective reason for the changes was liberalization in the field of land law, including the law on the free use of land (the Far Eastern hectare). On this basis, it becomes possible to create an ethno-cultural center for the reconstruction of the *alaas* culture by immersion in authentic forms. The authors describe of the forgotten rite of the burial of the horse standing named *serge*. The article analyses the experience of introduction of the sociocultural project, which promotes self-identification of modern Sakha. The problem of further scientific research is to implement, on an existing basis, practical "immersion" of modern Sakha in *alas* culture, through short-term races, creative seasonal camps, local history expeditions, labor landing and other forms of creative industries. At this stage of the sociocultural project, innovation is introduced into the process under study in order to change the existing socio-cultural, economic and environmental situation; introduction of stimulated transformation. In our case, the mental needs, knowledge and skills of traditional culture (students and schoolchildren) will be the aim for the participants of the project.

For citation

Popova G.S., Nikiforova S.V., D'yachkovskaya E.A. (2017) Problemy vossozdaniya alasnoi kul'tury sakha v sovremennykh usloviyakh [The problems of recreation of Sakha *alaas* culture in modern conditions]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 496-517.

Keywords

Alaas, traditional culture, locus of space, model, immersion, socio-cultural project, local functioning point, recreation.

References

1. Alekseev I.E. (2013) *Sakha d'aryga, ugehe* [Life and traditions of Saha]: Kholumtan sylaaha [Sound recording] / Khomus Uibaan. D'okuuskai. (In Yakut).
2. Alekseev N.A. (2008) *Etnografiia i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ.
3. Alkor Ya.P., Grekov B.D. (eds) (1936) *Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v.: Sbornik dokumentov* [The colonial policy of the Moscow State in Yakutia of the 17th century: collection of documents]. Leningrad, 1936.
4. Argunov I.A. (1985) *Sotsial'noe razvitie yakutskogo naroda* [Social development of the Yakut people]. Novosibirsk: Nauka Publ.
5. Arutiunov S.A. (1985) Innovatsii v kul'ture etnosa i ikh sotsial'no-ekonomicheskaiia obuslovlennost' [Innovations in ethnic culture and their socio-economic conditionality]. In: *Etnogra-*

- ficheskie issledovaniia razvitiia kul'tury* [Ethnographic studies of the development of culture]. Moscow, pp. 31-50.
6. Bobrikhin A.A. (2011) *Kontseptualizatsiia prostranstva v kul'ture (na primere traditsionnoi kul'tury russkogo naseleniia Urala)*. Doct. Diss. [Conceptualization of space in the culture (for example, the traditional culture of the Russian population of the Urals). Doct. Diss.]. Chelyabinsk.
 7. Bravina R.I. (2005) *Kontseptsii zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsii Sakha* [The concept of life and death in ethnic culture: on a material Saha traditions]. Novosibirsk: Nauka Publ.
 8. Cassirer E. (1944) *An Essay on Man*. Yale University Press (Russ. ed.: Cassirer E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke*. Moscow: Gardarika Publ.).
 9. Chernukhina M.A. (2013) Kategorii prostranstva i vremeni v istorii i filosofii kul'tury [Categories of space and time in the history and philosophy of culture]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* [Bulletin of the Tyumen state university. Humanitarian research], 10, pp. 29-36.
 10. Danilova N.K. (2010) *Istoriko-kul'turnyi landshaft: vospriatie prostranstva v mirovozzrenii Sakha* [Historical and cultural landscape: the perception of space in the outlook of Sakha]. Tomsk.
 11. Deriabin Yu.I., Deriabina V.A. (2013) Simvolicheskoe prostranstvo kak forma samoopredeleniia individual'nosti v kul'ture [The symbolic space as a form of self-identity in the culture]. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern science: actual problems of theory and practice], 1 (16), pp. 14-16.
 12. Dmitriev V.A. (2007) Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture: istoriograficheskii aspekt istoriko-kul'turnogo izucheniia [Space and time in the traditional culture: historiographical aspect of historical-cultural study]. *Vestnik S-Peterburgskogo universiteta. Vol. 2. Istoriia* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History], 4, pp. 267-280.
 13. Eliade M. (1987) *The Sacred and the Profane*. Harcourt Brace Jovanovich (Russ. ed.: Eliade M. (1994) *Sakral'noe i mirskoe*. Moscow).
 14. *Federal'nyi zakon ot 1 maya 2016 g. № 119-FZ "Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoi ili munitsipal'noi sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of 1 May 2016 No. 119-FZ "On the peculiarities of granting to citizens of land plots in state or municipal ownership and located on the territories of constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District and on amending certain legislative Acts of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ [Accessed 15/02/2017].

15. Fedorov M.M. (comp.) (1994) *Pamyatniki prava Sakha (Yakutiya): sb. dok. i materialov* [Monuments of law of Sakha (Yakutia): collection of documents and materials], vol. 2. Yakutsk.
16. Fedorova E.N. (1999) *Naselenie Yakutii. Proshloe i nastoiashchee (geodemograficheskoe issledovanie)* [The population of Yakutia. Past and Present (geo-demographic research)]. Novosibirsk: Nauka Publ.
17. Gilman R. (2016) *Ekoderevni i ustoichivye poseleniia* [Ecovillages and sustainable settlement]. Available at: http://www.seu.ru/cci/lib/books/ecoderevni/in_2016/10/03 [Accessed 13/02/2017].
18. Gogolev A.I. (1993) *Yakuty: Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [Yakut: Problems of ethnogenesis and formation of culture]. Yakutsk.
19. Gurevich A.Ya. (2007) *Izbrannye trudy. Srednevekovi mir* [Selected works. The medieval world]. St. Petersburg.
20. Gurvich I.S. (1977) *Kul'tura severnykh yakutov – olenevodov. K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniia yakutskogo naroda* [Culture of the northern Yakuts – the reindeer herders. On the question of the later stages of the Yakut people]. Moscow: Nauka Publ.
21. Khizbullina D.I. (2012) Kategoriii prostranstva v dinamike dukhovnoi kul'tury [The category of space in the dynamics of spiritual culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state university], 354, pp. 35-40.
22. Khomiakova A.P. (2017) *Ekoposeleniia v Rossii: problemy i perspektivy razvitiia*. [Ecovillages in Russia: problems and prospects]. Available at: <http://www.zircon.ru/2017/01/05> [Accessed 12/01/2017].
23. Kolodeznikov S.K. (1991) Kategorii traditsionnoi kul'tury yakutov: prostranstvo, vremya, dvizhenie (po materialam fol'klora) [Categories of traditional Yakut culture: space, time, movement (based on folklore materials)]. In: *Dukhovnaya kul'tura v zhizni etnosa* [Spiritual culture in the life of an ethnos]. Yakutsk, pp. 5-27.
24. Krasil'nikova M.B. (2013) *Prostranstvenno-vremennoe izmerenie russkoi kul'tury perekhodnykh epoch* [Spatio-temporal dimension of Russian culture in a transitive epoch]. Rubtsovsk.
25. Leleko V.D. (2012) *Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture* [The space of everyday life in the European culture]. St. Petersburg.
26. Lotman Yu.M. (1999) *Vnutri mysl'ashchikh mirov* [Inside minded worlds]. Moscow.
27. Makhlina S.T. (2000) *Semiotika kul'tury i iskusstva: Opyt entsiklopedicheskogo slovaryia* [Semiotics of culture and art: Experience of the encyclopaedic dictionary]. In 2 vols. St. Petersburg.
28. Mal'kova V.K., Tishkov V.A. (2012) Antropologiya istoriko-kul'turnykh brendov territorii, regionov i mest [Anthropology of historical and cultural brands of areas, regions and locations]. In: *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest* [Culture and space: the historical and cultural brands and images of areas, regions and locations]. Rostov-on-Don, pp. 27-62.

29. Mitin I.I. (2014) Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskii podkhod v kul'turnoi geografii [Place a palimpsest: mifogeograficheskyy approach in cultural geography]. In: *Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniia, analitika, kontsepty* [Cultural phenomenon in the Russian social geography: expert opinions, analysis, concepts]. Rostov-on-Don, pp. 147-156.
30. Nikiforova S.V. (2010) *Simvolika zhenskikh ukrashenii: kul'turnye kody traditsionnoi povsednevnosti sakha (yakutov)* [Symbolics of female ornaments: cultural codes of traditional everyday life of Sakha (Yakutia)]. St. Petersburg: Asterion Publ.
31. Nikolaev-Somogotto S.I. (2009) *Narod Sakha* [The people of Sakha]. Yakutsk.
32. Nikolaev-Somogotto S.I. (2012) *Somogotto: Sbornik statei* [Somogotto: Collection of articles]. Yakutsk.
33. Okladnikov A.P. (1955) *Yakutiia do prisoedineniia k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state]. Moscow-Leningrad.
34. Pekarskii E.K. (1959) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language], vols 1-3. Moscow.
35. PMA 2003 – polevye materialy ekspeditsii avtora v tyuelbe Uлуу Tогоi Megino-Kangalasskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya). Iyul' 2003 g. Rabochie tetradi i dnevniki ekspeditsii. (Informant: T.S. Grigor'eva, 1937 g.r.) [Field materials of the author's expedition in the Tulbe Uлуу Togo of the Megino-Kangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). July 2003. Workbooks and diaries of expeditions. (Informant: T.S. Grigorieva, born in 1937)].
36. PMA 2005 – polevye materialy ekspeditsii avtora v tyuelbe Uлуу Tогоi Megino-Kangalasskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya). Mai 2005 g. Rabochie tetradi i dnevniki ekspeditsii. (Informanty: G.K. Vasil'ev, 1947 g.r.; R.K. Vasil'eva, 1951 g.r.) [Field materials of the author's expedition to Tulobe Uлуу Togo of the Megino-Kangalas ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). May 2005. Workbooks and diaries of expeditions. (Informants: G.K. Vasiliev, born in 1947, R.K. Vasilyeva, born in 1951)].
37. PMA 2015 – polevye materialy ekspeditsii avtora v tyuelbe Uлуу Tогоi Megino-Kangalasskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya). Iyun' 2015 g. Rabochie tetradi i dnevniki ekspeditsii. (Informant: S.S. Ignat'ev, 1963 g.r.) [Field materials of the author's expedition to Tulobe Uлуу Togo of the Megino-Kangalas ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). June 2015. Workbooks and diaries of expeditions. (Informant: S.S. Ignatyev, born in 1963)].
38. Popova G.S. (2014) Etnicheskoe izmerenie identichnosti [Ethnic identity dimension]. In: *Post-sovetskaia identichnost' v politicheskom izmerenii: realii, problemy, perspektivy* [Post-Soviet identity in the political dimension: realities, problems, prospects]. Perm, pp. 94-97.
39. Popova G.S. (2015) Etnicheskii kalendar' v obrazovatel'noi deiatel'nosti [Ethnic calendar of educational activities]. In: *Etnokul'turnoe obrazovanie v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Rossiiskoi Federatsii: kollektivnaia monografiia* [Ethnic and cultural education in the Far Eastern Federal District of the Russian Federation]. Yakutsk, pp. 330-338.

40. Romanov P.A. (1984) *Ohrana i ispol'zovanie genofonda jakutskogo skota* [Protection and use of the gene pool of Yakutian cattle]. Yakutsk.
41. Sidorov E.S. (1997) *Yakutskie leksicheskie skhozheniia* [Yakut lexical convergence]. Yakutsk.
42. Sleptsov P.A. (ed.) (1972) *Yakutsko-russkii slovar'* [The Yakut-Russian dictionary]. Moscow.
43. Sleptsov P.A. (ed.) (2004-2015) *Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka v 15 t.* [Explanatory dictionary of the Yakut language in 15 vols], vols 1-10. Novosibirsk.
44. Tishkov V.A. (2003) *Rekvium po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in the social and cultural anthropology]. Moscow: Nauka Publ.
45. Vasil'ev F.F. (1995) *Voennoe delo yakutov* [Military Yakuts]. Yakutsk: Bichik' Publ.
46. Zamiatin D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modeling geographical images]. Moscow: Znak Publ.